

ОТ «ПЕРВОЙ В ИСТОРИИ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ПАНДЕМИИ» К РАЦИОНАЛЬНОМУ БИОПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Желнин Антон Игоревич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кандидат философских наук, доцент,
Пермь, Россия,
ORCID: 0000-0002-6368-1363,
E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.11.2020, принята к публикации 29.12.2020

Для цитирования: Желнин А.И. От «первой в истории контролируемой пандемии» к рациональному биополитическому управлению // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 130–141. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

Аннотация

Цель. В статье исследуются антропологические последствия пандемии коронавируса.

Результаты. Глубокие антропологические сдвиги под ее влиянием выражаются, в частности, в ревизии отношения «человек-природа». Пандемия по-своему напомнила о тесной вписанности человека в мир живого. Это результируется в росте внимания человека к своей витальности. В частности, можно полагать, что это катализирует переход биовласти в биополитику, которая может быть позитивно истолкована как сфера рационального управления биологией человека и общества. Она предполагала бы мониторинг и «мягкое» регулирование основных популяционных параметров, планирование траекторий улучшения качества биологического функционирования человека и эффективное прогнозирование возможных угроз (как внешних, наподобие настоящей пандемии, так и рисков, связанных с самим управлением).

© Желнин А.И., 2021

Научная новизна. Показано, что пандемия является частным случаем цивилизационного вызова, который способен послужить переходу к новому формату взаимодействия человека со своей биологией, рациональному управлению ей.

Ключевые слова:

человек, биология, управление, биовласть, биополитика, биоменеджмент, пандемия, вирус, кризис, коэволюция.

UDC 304.9

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

FROM “THE FIRST CONTROLLED PANDEMIC IN HISTORY” TO RATIONAL BIOPOLITICAL ADMINISTRATION

Anton I. Zhelnin,

Perm State University,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Perm, Russia,
ORCID: 0000-0002-6368-1363,
E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Article received on November 15, 2020, accepted on December 29, 2020

To cite this article: Zhelnin, A.I. (2021). Ot “pervoj v istorii kontroliruemoj pandemii” k racional’nomu biopoliticheskomu upravleniyu [From “The first controlled pandemic in history” to rational biopolitical administration]. *Scientific journal “Discourse-P”, 1(42)*, 130-141. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

Abstract

Aim. The article examines the anthropological consequences of the coronavirus pandemic.

Results. Deep anthropological shifts under its influence are expressed in particular in the revision of the “human-nature” relationship. The pandemic, in its own way, reminded of the close fit of human into the world of the living. This results in a human’s growing attention to his vitality. In particular, it can catalyze the transition of biopower into biopolitics, which can be positively interpreted as a sphere of more or less rational administration of biological existence of a person and society. It would involve monitoring and “soft” regulation of the main population parameters, planning trajectories for

improving the quality of human biological functioning and effective forecasting of threats (both external, like a contemporary pandemic, and those, which are associated with this management itself).

Scientific novelty. It is shown that a pandemic is a special case of a civilization challenge that is capable to lead to a new format of interaction between human and its biology, rational management of it.

Keywords:

human, biology, administration, biopower, biopolitics, biomanagement, pandemic, virus, crisis, coevolution.

Введение

Человек, будучи «плоть от плоти» органического мира, долгое время противопоставлял ему себя. Вместе с тем, начиная с XIX века, обозначается и обратная тенденция, стремящаяся «вернуть» человека в лоно природы и рассматривать его как этап эволюционного процесса. Граница между человеком и другими органическими формами стала постепенно ослабевать, так как открылось фундаментальное единство клеточных и молекулярно-генетических основ живого. Это позволило П. Тейяру де Шардену писать о едином и уникальном «спазме» жизни на Земле: «Эта гипотеза успешно обосновывает органичное, глубокое сходство между всеми живыми существами от бактерии до человека... Жизнь возникла и распространяется на Земле как одиночная пульсация» (Тейяр де Шарден, 2002, с. 208–209). Условность теоретической границы между человеком и животным по-своему выразил Дж. Агамбен (2012, с. 50): «Антропологическая машина» функционирует, «лишь создавая внутри себя некую зону неразличимости, в которой – подобно missing link, которого всегда недостает, так как виртуально оно «уже здесь» – должна совершиться связь между человеком и животным, между человеком и не-человеком. На самом деле, эта зона, подобно всякому исключаящему пространству, совершенно пуста, а подлинно человеческое, которое должно здесь совершиться, является исключительно местом постоянно возобновляемого решения, при котором цезуры и их сложение непрерывно смещаются и сдвигаются». Другими словами, данная граница (как и само содержание человеческой сущности) не является константой, а, будучи продуктом конкретно-исторической конвенции, способна сдвигаться и перемещаться, подвергаться ревизии, наполняться новым содержанием. Наша гипотеза состоит в том, что на современном этапе намечился глобальный сдвиг не только во взгляде на границу между биологическим и собственно человеческим в человеке, но и в самом формате взаимодействия человека со своей биологической составляющей, и что одним из пусковых механизмов для этого может послужить современная пандемия коронавируса.

Результаты исследования

Пандемия обнажила фундаментальный онтологический факт, что человек, несмотря на все свои культурно-технологические достижения, остаётся, по сути,

биологическим существом, организмом, вплетенным в густую сеть связей с другими формами жизни, в том числе микроорганизмами. Предложен даже специальный термин «виролюция», отражающий длительную коэволюцию человека и вирусов (Райан, 2014). Такая вплетенность не только продолжает делать его потенциально беззащитным перед многими из них, но и ударяет по идее сверхприродности человека. Казалось бы, человечество, живя в постпенициллиновую эпоху, осуществило громадный рывок в борьбе с инфекционными заболеваниями: «Благодаря массовым кампаниям по вакцинации, проведенным в международном масштабе, службы здравоохранения в большинстве стран мира взяли под контроль такие болезни, как сифилис, полиомиелит, оспа. Наряду с этим почти перестали регистрироваться вспышки желтой лихорадки, чумы, дифтерии, холеры и других инфекционных болезней, которые на протяжении многих веков беспокоили человечество» (Михель, 2009, с. 303). Последнее явно отражается на глобальной структуре болезней и смертности: большинство приходится на так называемые неинфекционные заболевания. Так как данный тип болезней является хроническим и не поддается окончательному излечению, то их господство приведет к своеобразному «обществу ремиссии» (Шевченко, 2019). Драма данного типа больных и данного типа общества в том, что неинфекционные заболевания (или т. н. «болезни цивилизации») в большой мере порождены самой деятельностью человека, перестройками в образе жизни и демографии, а любая ремиссия раньше или позже, но неизбежно сменится очередным рецидивом.

Вместе с тем теперь очевидно, что и такое общество продолжает переживать мощные внешние инвазии, не сопряженные с ее имманентной логикой и поэтому воспринимающиеся как абсолютно чуждые. Вирусы вселяют в современного человека на порядки больший страх, чем прочие инфекционные агенты, по видимому, по целому ряду причин:

1) Вирусы обладают высокой мутационной изменчивостью, периодически оказываясь на шаг впереди человека и его иммунной защиты.

2) Вирусы очень успешно передаются от человека к человеку, что создает большую угрозу в ситуации интенсивного роста населения, процессов урбанизации и глобализации: «Рост народонаселения и совершенствование транспорта привели к тому, что человечество оказалось как никогда беззащитно перед эпидемиями... По логике вещей мы должны были бы жить в бацилловиральном аду, где одну смертельную пандемию сменяет другая» (Харари, 2019, с. 17).

3) Многие из вирусов до сих пор являются неизлечимыми, а существующие противовирусные препараты и вакцины не обладают достаточным уровнем эффективности. Более того, когда речь ведется о возможном биологическом оружии, то вирусы оказываются в числе главных кандидатов на данную роль (Фукуяма, 2004, с. 19). Всё это способствует демонизации и переходу понятия «вирус» в разряд некой заражающей собою суперметафоры. Данная метафора широко применяется в медиасфере и в цифровых технологиях (Рашкофф, 2003). Такое метафорическое «заражение» наблюдается даже в такой далекой от биологии сфере знания и коммуникации, как репликация: «Репликация – это копирование, сопровождающееся мутациями, ошибками при копировании. Так распространяется вирус. Более того, концепция заражения позволяет точнее представить ситуации коммуникации, нежели концепция «обмена знаками»: коммуникация предполагает репликацию знания... Таким образом, знание, распространяясь, мутирует,

изменяется» (Буданов, Белоногов, 2019, с. 29). В случае коронавируса вполне возможна аналогия со сферой политики. К примеру, недавно представитель КНР в ответ на обвинение Китая в возможном искусственном создании вируса заявил, что нужно бороться не только с самим вирусом, но и с «политическими вирусами» вокруг него (Глава МИД КНР ..., 2020). В данном случае мы видим значительное перемешивание биологических и внебиологических (социальных, политических, культурных) измерений, постепенное стирание границ между ними. Еще Жан Бодрийяр (2000, с. 14–15) отмечал: «Тема вируса не представляет собой перемещения биологического поля, ибо все одновременно и в равной степени затронуто вирулентностью, цепной реакцией, случайным и бессмысленным размножением, метастазированием». Масштабы пандемической катастрофы и порожденных ею волн паники гарантируют, что «вирус» еще надолго останется одной из топовых разрушительных метафор современности.

Однако можно констатировать, что влияние коронавируса на социальный порядок связано не столько с действиями вируса *per se*. Вирус как молекулярный агент действует только на биологическое, на тела и организмы, к социальному же он индифферентен. Для большинства населения он остается «виртуальным», отражаясь только в общественных изменениях (режиме изоляции, ограничении контактов, потере работы и т. д.). Беспрецедентные масштабы порождены реакцией на его активность, соответствующими методами борьбы и профилактики. Прежде всего речь идет о мерах, представленных массовым карантинном, временным закрытием организаций и предприятий, ограничением межгосударственных и внутригосударственных контактов, перестройках в общественном здравоохранении (Bedford et al., 2020). Долгоиграющие экономические, политические и даже психологические последствия данных глобальных мер нуждаются в тщательном всестороннем анализе, который еще только предстоит.

Вместе с тем пандемия обнаруживает и более глубокие антропологические пласты. Отчасти они связаны с концептуальным отношением человека со своим органическим началом. В современности внимание парадоксальным образом переключается на биологические и физиологические аспекты жизни: «Единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и «интегральное» управление ею... человечество вроде бы «берет на себя» собственную физиологию как последний и неполитический мандат на конец истории» (Агамбен, 2012, с. 93). И, более того: «Решающий конфликт в нашей культуре, который преобладает над всеми остальными, есть конфликт между животностью и человечностью» (Агамбен, 2012, с. 96).

В широкий обиход вошли такие концепты, как «биовласть», «биополитика» и другие «био», став своего рода мейнстримом и даже хайпом. Вместе с тем им по большей мере приписываются негативные коннотации, ассоциирующиеся с экстраполяцией властных механизмов на витальные аспекты человеческой жизни. Мы, напротив, полагаем, что они имеют и позитивное содержание, связанное прежде всего с интенцией на управление последними. Недаром на начальном этапе пандемии глава ВОЗ выразил надежду, что она способна стать первой управляемой пандемией в истории (ВОЗ рассказала ..., 2020). Конечно, последующие события во многом опровергли такой оптимизм. Чересчур оптимистичным был и Ю. Харари, который писал в своей недавней книге «Номо Деус» (2019, с. 22): «Серьезные эпидемии будут угрожать человечеству в буду-

щем, вероятно, только в том случае, если человечество само будет создавать их в угоду какой-нибудь безжалостной идеологии. Эпоха, когда человечество было практически беспомощно перед природными эпидемиями, скорее всего, миновала». Тем не менее, несмотря на гигантский прогресс, наука еще не научилась прогнозировать, предсказывать их наступление. По сути, настоящая пандемия и реакция на нее – это частный пример того, что человечество продолжает развиваться, фигурально выражаясь, «апостериорным» способом: решение проблем и необходимая для этого консолидация происходят «задним числом», отсутствие хотя бы приблизительной общей программы заставляет отдельных субъектов действовать по-разному, методом проб и ошибок.

Пандемия, породив масштабный экономический и медицинский кризис, принудительно заставила мировое сообщество и мировую науку так или иначе сплотиться в поиске оптимальной стратегии. В этом смысле она действовала полностью в соответствии с известным принципом «Вызов-Ответ» А. Тойнби (2011, с. 61): «Цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы. Они надламываются и распадаются, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить». Объективно цивилизация не без потерь, но ответила на данный вызов. Однако если подойти к ситуации субъективно, то человечество де-факто пережило, пользуясь терминологией К. Ясперса, глобальную «пограничную ситуацию». И ее экзистенциальный смысл – не в бинарном результате «преодоление/надлом», но в изменении ракурса зрения человека на самого себя, свою природу и жизнь. Пандемия может послужить катализатором «биологического поворота» в повестке человечества, когда внешние экологические императивы дополнятся вниманием и заботой людей о биологическом внутри самих себя. Показательно, что во время пандемии потенциальная угроза здоровью отдельных групп населения перевесила экономические издержки, а необходимость поддержания карантина сопровождалась централизованными и подчас жесткими мерами. Данные метаморфозы вполне укладываются в концепцию биополитики. Агамбен (2011, с. 155–156) отмечал на данный счет: «Перемены осуществляются в контексте, в котором политика уже давно стала биополитикой, а на кон отныне ставится лишь решение о том, какая форма организации способна наиболее эффективно обеспечить заботу, контроль и наслаждение голой жизни». Однако, повторимся, за биовластью и биополитикой в определенной мере закрепилась отрицательная коннотация, они часто рассматриваются только как экспансия властных механизмов на биологическую сторону жизнедеятельности человека с целью ее репрессивного подавления, манипулятивного контроля или эксплуатации. В той или иной мере такую позицию можно найти не только у классиков (М. Фуко, А. Негри, Дж. Агамбен, И. Иллич), но и у их продолжателей (Nadesan, 2010; Rabinow, Rose, 2006). Так, биовласть понимается в устойчивой связке, предполагающей отпор и сопротивление: «Власть, конденсация стратегических отношений в отношении доминирования, сокращение пространств свободы желанием контролировать образ действия других всегда встречается с сопротивлением. Следовательно, жизнь и живое становятся “предметом” этики через динамику, которая одновременно сопротивляется власти и порождает новые формы жизни» (Lazzarato, 2002, p. 109). В свою очередь, очевидно, что данные феномены приобретают принципиально новое качество в связи с развитием специализированных био- и медицинских технологий (Тищенко, 2001).

Они катализируют биовласть как экстенсивно (увеличивая поле ее приложения), так и интенсивно (всё сильнее, глубже биологизируя и медиализируя различные аспекты социальной жизни). Справедливо отмечаются возможные амбивалентные последствия такой биотехнологической экспансии, ее своеобразная «прометеева мощь»: «Биотехнологии изменят наше будущее и нас самих... Будущее бросит вызов нашему пониманию самой сущности человека как с биологической, так и с социальной точки зрения. Новые направления в развитии биотехнологий обещают увеличить продолжительность и повысить качество человеческой жизни, укрепить физическое и психическое здоровье. Растут возможности объединения цифровых технологий с живыми тканями, и возможные результаты, ожидаемые уже в следующем десятилетии, вызывают широкий спектр эмоций – от надежды до восхищения и страха. Исследования описывают устойчивый мир, в котором больше не будет болезней, угрожающих нам сегодня. Пессимисты описывают мрачное, антиутопическое будущее, предсказывая «детей на заказ» и крайнее неравенство доступа к плодам биотехнологий» (Шваб, Дэвис, 2018, с. 66–67). Опросы показывают, что большинство населения настороженно воспринимает новые биотехнологии именно из-за того, что они направлены на самое интимно близкое для человека, на его тело и разум (Войнилов, Полякова, 2016).

Биовласть – это действительно разновидности власти, и как таковая несет в себе такие непереносимые ее атрибуты, как иерархичность (асимметрия между субъектом и объектом властных отношений) и элементы контроля. Другое дело, что современная биовласть при нормальных условиях является ярким примером «мягкой власти», так как осуществляет свой контроль не напрямую, а имплицитно (через рекламу, различные маркетинговые стратегии, создание в обществе потребности в новых видах специализированных товаров и услуг, стимулирование в отношении их консьюмеристских установок) (Желнин, 2018). Пандемия в каком-то смысле продемонстрировала ее способность перехода в явный и жесткий режим: массовый карантин и самоизоляция, строгая необходимость санитарно-гигиенических мероприятий, ограничение социального дистанцирования являются медицинскими аналогами «чрезвычайного положения» и «лагеря», биополитическая суть которых была показана Агамбенем (2011). Вместе с тем пандемия как «пограничная ситуация» продемонстрировала недостаточность любого режима биовласти (как мягкого, так и жесткого) в целом, вскрыв ее фундаментальные лимиты. К последним можно отнести несогласованность действий локальных субъектов, доминанту отстаивания частных интересов; тотальную коммерциализацию; апостериорный способ реагирования и решения проблем.

Полагаем, существенные лимиты в цивилизационном ответе на глобальные вызовы, подобные этому, ускорят перерождение биовласти в биополитику. В данном контексте биополитику можно понять не как простой синоним/приложение биовласти, а как сферу более или менее рационального управления биологией человека и общества: если биовласть – это «жизнь, подвергнутая командованию политики», то биополитика – это «политика во имя жизни» (Esposito, 2008, p. 15). В этом смысле биополитика имеет позитивное, гуманистическое содержание: «Биополитика является выражением не суверенной воли, а целей администрирования и регулирования жизненных процессов на уровне популяций» (Lemke et al., 2011, p. 4). Отмечается, что биополитика вписывается в парадигму общего, глобального управления и само оно становится биополитическим: «В то же время

современные исследования глобального управления все больше подчеркивают его биополитический характер, ориентированный на позитивное управление жизненными процессами населения» (Яркеев, 2020, с. 52). По-видимому, наиболее приемлемой формой организации биополитического управления ввиду много-субъектности будет являться сеть: «Поскольку сетевые структуры сами имеют биополитическое обоснование – как приложение к человеческому социуму общего биосоциального организационного принципа, то работающая по биополитической проблематике сеть являет собой пример тождества формы и содержания – организационной структуры и ее целевой задачи» (Олескин, 2007, с. 1086).

Сеть предполагает как интеграцию, так и распределенный характер. Поэтому закономерно ожидать усиления позиций Всемирной Организации Здравоохранения и создание подобных международных организаций, которые, тем не менее, при нормальных условиях не станут жестко-директивными в отношении субъектов национального, государственного уровня. Их главными функциями станет мониторинг основных популяционных параметров, стратегическое планирование траекторий развития человечества в биологическом плане, прогнозирование возможных рисков и угроз (в частности, новых пандемий). В случае же реализации последних, биополитические агенты вполне могут перейти к централизованным, директивным формам контроля. К ним вполне применим концепт «умная власть» (smart power), которая понимается как «тонкий» баланс в применении, ситуативном комбинировании мягких и жестких механизмов в зависимости от конкретных обстоятельств (Русакова, Ковалева, 2013).

В конечном итоге переход к разумному менеджменту в сфере человеческой биологии ознаменовал бы дальнейший рост управленческих мощностей человеческой цивилизации. Управление биологией человека и общества было бы ярким примером формирующейся на основе постнеклассического типа научной рациональности «кибернетики третьего порядка», объектом которой выступают сложные человеко-природные системы: «Могла бы сформироваться *кибернетика третьего порядка* на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам»... В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» – создание условий для их развития... В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку» (Лепский, 2015, с. 94–95).

Управление человека собственной биологией послужило бы одним из оснований для поддержания целостной биосоциальности в жизни человека, где осознанное и продуктивное манипулирование ее отдельными компонентами соседствует с сохранением принципиальных видовых черт человека («морфологической неприкосновенностью»), служащих основанием его идентичности (Рыбин, 2020). Данное управление будет особенным и в том плане, что субъект и объект в нем, по сути, тождественны, т. е. оно являлось бы самоуправлением и знаменовало бы новую грань свободы человека. Однако это будет позитивная свобода в- и через биологию, а отнюдь не негативная свобода от биологии: идея того, что человеку необходимо в будущем отказаться от своего телесного начала, исходит из ложной посылки, утверждающей ущербность последнего, неправомерно абсолютизирующей «биологическую недостаточность» человека (Желнин, 2016). Справедливо

высказывается опасение, что при антигуманном, разрушительном («танатальном») отношении к человеку как объекту управления биополитика может легко выродиться в некрополитику (Попов, 2018).

Заключение

Коронавирусная пандемия оказалась поистине диалектической в своем действии на человечество. Обострив кризисные черты современной цивилизации, она вместе с тем указала на слабые места и создала условия, при которых необходимо что-то менять. В статье показано, что наряду с экономическими, политическими и культурными проблемами речь может идти и о более глубоком антропологическом пласте. Он заключается, в частности, в смене взглядов человека на себя и свою сущность, ревизии отношения «человек-природа». Угроза биологическому началу в человеке, материализованная в пандемии, его незащитность перед другими формами живого фокусируют его внимание и порождают интенцию на улучшение своего существования в данном аспекте. Биовласть, понятая как форма контроля и эксплуатации биологического в человеке, имеет возможность смениться биополитикой, понятой как сфера более или менее рационального управления им. Однако такой глобальный проект требует не только внешнего мобилизационного вызова, но и достаточной сознательности ключевых акторов, готовности к коммуникации и интегрированному сотрудничеству между ними, необходимого уровня развития соответствующих технологий. Данный трансфер означал бы, что человек сделал объектом своей регулирующей деятельности не только внешнюю, но и внутреннюю ипостась природы, во многом освободившись от опасной стихийности биологического. Это открыло бы новую грань человеческой свободы и приблизило бы человеческую цивилизацию к состоянию автономного аутопоэзиса.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2012). *Открытое. Человек и животное*. М.: РГГУ.
3. Бодрийяр, Ж. (2000). *Прозрачность зла*. М.: Добросвет.
4. Буданов, В.Г., Белоногов, И.Н. (2019). Знание-вирус: принципы метафорического переноса. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 47, 25–32.
5. ВОЗ рассказала, чем пандемия коронавируса будет отличаться от других (2020, 9 марта). Взято 20 сентября 2020, с <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3246657>
6. Войнилов, Ю.Л., Полякова, В.В. (2016). Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях. *Социология власти*, 1, 85–207.
7. Глава МИД КНР: Китай открыл политический вирус в США (2020, 24 мая). Взято 20 сентября 2020, с https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/05/24/n_14460319.shtml

8. Желнин, А.И. (2016). Идея «биологической недостаточности» человека как основа трансгуманизма и ее критический анализ. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*, 3(250), 86–92.

9. Желнин, А.И. (2018). Биовласть как общесоциальный феномен и ее современные кризисные трансформации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 41, 49–56.

10. Лепский, В. Е. (2015). *Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)*. М.: Когито-Центр.

11. Михель, Д.В. (2009). Социальная история медицины: становление и проблематика. *Журнал исследований социальной политики*, 7(3), 295–312.

12. Олескин, А.В. (2007). Сетевые структуры как биополитический проект. *Вестник Российской академии наук*, 77(12), 1084–1088.

13. Попов, Д.В. (2018). Танатальные основания негантропной биополитки. *Вопросы управления*, 4(53), 14–22.

14. Райан, Ф. (2014). *Виролуция. Симбиоз человека и вируса как реальность эволюции*. М.: Ломоносов.

15. Рашкофф, Д. (2003). *Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание*. М.: Ультра. Культура.

16. Русакова, О.Ф., Ковалева, Д.М. (2013). «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ. *Социум и власть*, 3(41), 15–19.

17. Рыбин, В.А. (2020). Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности. *Человек*, 31(1), 45–60.

18. Тейяр де Шарден, П. (2002). *Феномен человека*. М.: АСТ.

19. Тищенко, П.Д. (2001). *Био-власть в эпоху биотехнологий*. М.: ИФ РАН.

20. Тойнби, А. Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ.

21. Фукуяма, Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ.

22. Харари, Ю. (2019). *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад.

23. Шваб, К., Дэвис, Н. (2018). *Технологии четвертой промышленной революции*. М.: Эксмо.

24. Шевченко, С. (2019). Голоса боли и надежды в «обществе ремиссии». *Логос*, 29(4), 229–236.

25. Яркеев, В.А. (2020). Концепция биополитики и ее аналогия. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(38), 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

26. Bedford, J., Enria, D., Giesecke, J., Heymann, D. L., Ihekweazu, C., Kobinger, G., Lane, H. C., Memish, Z., Oh, M. D., Sall, A. A., Schuchat, A., Ungchusak, K., & Wieler, L. H. (2020). COVID-19: towards controlling of a pandemic. *The Lancet*, 395(10229), 1015–1018. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30673-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30673-5)

27. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: U of Minnesota Press.

28. Lazzarato, M. (2002). From biopower to biopolitics. *The Warwick Journal of Philosophy*, 13(8), 112–125.

29. Lemke, T., Casper, M. J., & Moore, L. J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press.

30. Nadesan, M.H. (2010). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge.
31. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower today. *BioSocieties*, 1(2), 195–217.

References

1. Agamben, Dzh. (2011). *Homo Sacer. Suverennaya vlast' igolayazhizn'* [Homo Sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
2. Agamben, Dzh. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhitovnoe* [The opened. Human and animal]. Moscow: RGGU.
3. Bedford, J., Enria, D., Giesecke, J., Heymann, D.L., Ihekweazu, C., Kobinger, G., Lane, H.C., Memish, Z., Oh, M.D., Sall, A.A., Schuchat, A., Ungchusak, K., & Wieler, L.H. (2020). COVID-19: towards controlling of a pandemic. *The Lancet*, 395(10229), 1015–1018. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30673-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30673-5)
4. Bodrijar, S. (2000). *Prozrachnost' zla* [Transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet.
5. Budanov, V.G., & Belonogov, I.N. (2019). Znanie-virus: principy metaforicheskogo perenosa [Knowledge-virus: principles of metaphorical transfer]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 47, 25–32.
6. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: U of Minnesota Press.
7. Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovecheskoe budushhee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future. Consequences of biotechnological revolution]. Moscow: AST.
8. *Glava MID KNR: Kitaj otkryl politicheskij virus v SShA* [The director of Ministry of Foreign Affairs of China: China discovered political virus in the USA] (2020, May 24). Retrieved September 20, 2020, from https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/05/24/n_14460319.shtml
9. Lazzarato, M. (2002). From biopower to biopolitics. *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*, 9(8), 112–125.
10. Lemke, T., Casper, M.J., & Moore, L.J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press.
11. Lepskij, V. E. (2015). *E'volyuciya predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz)* [Evolution of views on administration (methodological and philosophical analysis)]. Moscow: Kogito-Centr.
12. Mixel', D.V. (2009). Social'naya istoriya mediciny: stanovlenie i problematika [Social history of medicine: genesis and problematics]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 7(3), 295–312.
13. Nadesan, M.H. (2010). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge.
14. Oleskin, A.V. (2007). Setevye struktury kak biopoliticheskij proekt [Network structures as biopolitical project]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 77(12), 1084–1088.
15. Popov, D.V. (2018). Tanatal'nye osnovaniya negantropnoj biopolitiki [Thanatal

foundations of non-anthropocentric biopolitics]. *Voprosy upravleniya*, 4(53), 14–22.

16. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower today. *BioSocieties*, 1(2), 195–217.

17. Rajan, F. (2014). *Viroluciya. Simbioz cheloveka i virusa kak real'nost' e'volyucii* [Virolution. Symbiosis of human and virus as reality of evolution]. Moscow: Lomonosov.

18. Rusakova, O.F., & Kovaleva, D.M. (2013) “Myagkaya sila” i “umnaya vlast'”: konceptual'nyj analiz [“Soft force” and “smart power”: conceptual analysis]. *Socium i vlast'*, 3(41), 15–19.

19. Rushkoff, D. (2003). *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie* [The media. How pop culture secretly affects your consciousness]. M.: Ul'tra. Kul'tura.

20. Rybin, V.A. (2020). Biosocial'nost' cheloveka: opyt pereosmysleniya v kontekste sovremennosti [Biosociality of human: experience of rethinking in the context of modernity], *Chelovek*, 31(1), 45–60.

21. Shevchenko, C. (2019). Golosa boli i nadezhdy v “obshchestve remissii” [Voices of pain and hope in “society of remission”]. *Logos*, 29(4), 229–236.

22. Shvab, K., & De'vis, N. (2018). *Texnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii* [Technologies of the fourth industrial revolution]. Moscow: E'ksmo.

23. Tejyar de Sharden, P. (2002). *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of human]. Moscow: AST.

24. Tishhenko, P.D. (2001). *Bio-vlast' v e'poxu biotexnologij* [Bio-power in the age of biotechnologies]. Moscow: IF RAN.

25. Tojnbi, A. Dzh. (2011). *Civilizaciya pered sudom istorii. Mir i Zapad*. [Civilization in front of trial of history. World and West]. Moscow: AST: Astrel'; Vladimir: VKT.

26. Vojnilov, Yu.L., Polyakova, V.V. (2016). Moe telo – moya krepost': obshhestvennoe mnenie o biomedicinskih texnologiyah [My body – my fortress: public opinion about biomedical technologies]. *Sociologiya vlasti*, 1, 85–207.

27. *VOZ rasskazala, chem pandemiya koronavirusa budet otlichat'sya ot drugih* [WHO tells how coronavirus pandemic will differ from others]. (2020, March 9). Retrieved September 20, 2020, from <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3246657>

28. Xarari, Yu. (2019). *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego* [Homo Deus. Brief history of future]. Moscow: Sindbad.

29. Yarkeev, V.A. (2020). Konceptsiya biopolitiki i eyo genealogiya [The concept of biopolitics and its genealogy]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1(38), 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

30. Zhelnin, A.I. (2016). Ideya “biologicheskoy nedostatochnosti” cheloveka kak osnova transgumanizma i ee kriticheskij analiz [The idea of “biological insufficiency” of a person as the basis of transhumanism and its critical analysis]. *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 3(250), 86–92.

31. Zhelnin, A.I. (2018). Biovlast' kak obshhesocial'nyj fenomen i ee sovremennye krizisnye transformacii [Biopower as general social phenomenon and its modern crisis transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 41, 49–56.